

ИСТОРИЯ МЕДИАЦИИ

Алексей Иванов¹

МЕДИАТИВНЫЙ ПОДХОД В СРАВНЕНИИ С ПРИМИРЕНИЕМ НА КАВКАЗЕ

Аннотация. Статья является завершающей публикацией цикла исследований, направленных на изучение методов примирения при конфликте в традициях народов Северного Кавказа и Закавказья. Целью этого исследования был анализ традиционных способов примирения при конфликте в двух временных и культурных срезах: так, как это было принято на Кавказе в прошлом и так, как это возможно в настоящее время в условиях поликультурной среды мегаполиса.

В процессе исследования, проводимого методом опроса, были установлены основные формы поведения, ожидаемые от участников конфликта, и наиболее важные действия, предпринимаемые сторонами для прекращения активной фазы конфликта и дальнейшего достижения примирения. Было проведено сравнение традиционных форм повеления участников конфликта в условиях мегаполиса с медиацией, выявлены параллели между индивидуальными способами организации посреднического процесса, традиционными формами регулирования конфликтов в традиционных обществах и современными практиками медиации, что может стать основой для дальнейшего конструктивного взаимодействия между представителями диаспор, исследователями и практиками в области профессионального урегулирования споров и конфликтных ситуаций, для повышения эффективности посреднических процессов.

Ключевые слова: конфликт; Северный Кавказ и Закавказье; модели поведения; медиация, примирение.

¹ © А.В. Иванов, 2018.

MEDIATIVE APPROACH COMPARED TO RECONCILIATION IN THE CAUCASUS

Abstract. The article is the final publication of a series of studies aimed at investigation of reconciliation methods in the conflict among peoples of the North Caucasus and Transcaucasia. The purpose of this study was to analyze traditional reconciliation methods of conflicts in two temporal and cultural contexts: the way it was done in the Caucasus in the past and as it is possible in a multicultural environment of a metropolis today.

During the research conducted by the survey method, the main forms of behavior expected from the participants in the conflict were identified and the most important actions taken by the parties to end the active phase of the conflict and to achieve further reconciliation. Traditional behavior forms of the conflict parties in a megalopolis were compared to mediative approach, parallels between individual methods of organization of mediation process, traditional forms of conflict management in traditional societies and modern mediation practices were revealed. These approaches can become the basis for further constructive interaction between diaspora representatives, researchers and practitioners in the field of disputes and conflict situations professional settlement, in order to enhance the effectiveness of mediation processes.

Keywords: disputes; North Caucasus; Transcaucasia; patterns of behavior; mediation; reconciliation.

Введение

Эта статья завершает небольшое исследование, проведенное среди кавказцев в Москве². Напомним, что целью этого исследования был анализ традиционных способов примирения при конфликте в двух временных и культурных срезах: так, как это было принято на Кавказе в прошлом и так, как это возможно в настоящее время в условиях поликультурной среды мегаполиса; результатом такого анализа должен был быть совет медиатору как лучше находить взаимопонимание в том случае, если одна из сторон принадлежит к одному из многочисленных кавказских этносов. Различные по языку и историческим событиям эти многочисленные народы схожи в традициях, связанных с мезью и примирением (см. [Зуйков, Иванов 2018]). Как мы отметили, обряд примирения на Северном Кавказе сложный и долгий, который может длиться годами, однако структура обряда примирения у многих народов схожа, и существует несколько типологических параллелей.

² См. предыдущий номер журнала.

Во-первых, везде подчеркивается, что процедура примирения является добровольной: она начинается только после того, как враждующие стороны — через посредника — дали друг другу понять, что готовы разрешить свой спор мирным путем.

Во-вторых, всегда задействуется большое количество действующих лиц (старейшины, родственники, кунаки) в разных ролях (судья, посредник, поручитель). Везде есть процедура выбора независимых посредников самими сторонами. Велика роль старших, но иногда не они могут быть посредниками.

В-третьих, существует институт «платы за кровь». Виновник должен уплатить штраф деньгами или скотом (дият, алым), преподнести всем родственникам потерпевшей стороны подарки, накрыть стол. Размер компенсации устанавливают избранные или назначенные судьи.

В-четвертых, везде важно реальное или искусственное родство. Установлением символического родства в большинстве случаев заканчивается обряд примирения (или хотя бы дружеским союзом)³.

В современных условиях происходит упрощение обряда примирения при сохранении общей концепции. Некоторые процедуры, например, барамта-ишкил, связанные с регулированием конфликтов, исчезли, но сохранилось участие авторитетного посредника; появилась и еще одна тенденция — «огосударствление» процедуры и увеличение роли религии в противовес адатам. О том, как изменения или сохранения традиций примирения могут быть использованы в медиативном процессе, пойдет речь в данной статье. Для достижения этой задачи мы воспользуемся уже проведенным в двух наших статьях (см. [Иванов 2017; Зуйков, Иванов 2018]) историко-культурным анализом примирения при конфликте на Кавказе, а также воспользуемся материалом, собранным за время исследования, проведенного в 2014-2015 гг. среди кавказцев в г. Москве и некоторых других крупных мегаполисах РФ.

Полевой материал

Для получения информации о том, как в настоящее время представители кавказских диаспор «решают» конфликтные ситуации между собой или с окружающим их населением было составлено несколько вариантов опросных листов и использовалось несколько различных методов их заполнения.

Респондентам предлагалось ответить на вопросы, касающиеся их опыта участия в конфликтах и последующего примирения, фиксировались такие характеристики, как этническая идентичность, количество конфликтов, в которые люди были вовлечены, количество примирений, удачных и неудачных, и собственные мысли респондентов о причинах конфликтных ситуаций.

Опрос проводился с использованием качественной (открытые вопросы) и количественной (закрытые вопросы) методик. Часть анкет была получена в живом общении, часть — через социальные сети и с помощью сервиса Google.docs. При

³ Существует значительное количество исследований обрядов примирения на Северном Кавказе, как дореволюционных (многие переизданы), так и современных. Подробнее см. [Агларов 1988; Албогачиева 2011; Бобровников 2002; Броневский 2004; Казиев 2003; Ковалевский 2012; Леонтович 1883; Косвен 1961; Стародубровская, Соколов 2013; Цуциев 2006].

формировании выборки этнических квоты не особенно учитывались, стоит только сказать, что большинство опрошенных – выходцы с Северного Кавказа.

Значительное большинство респондентов, интервью с которыми были записаны непосредственно в процессе общения – мужчины, в то время как большая часть из принявших участие в интернет-опросе – женщины или девушки. Обоснование гендерного состава выборки выглядит достаточно просто: поскольку предметом исследования являются традиционные формы регулирования конфликтов, в выборку попали в основном мужчины, так как в соответствии с кавказскими традициями женщина может являться только объектом конфликта (или, как указывалось выше, посредником в примирении), но не его субъектом. Как отмечал еще известный отечественный этнограф Н.Н. Харузин, на Кавказе женщина даже в случае совершенного ей убийства не подвергается преследованию со стороны родственников убитого – объектом мести становятся ее родственники-мужчины ([Харузин 1888: 122], цит. по: [Албогачиева 2011: 79]).

Также следует указать, что все опрошенные – жители Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных российских городов. Такой отбор по территориальному критерию является сознательным и соответствует задаче, поставленной в работе, а именно выяснить, в чем заключается специфика крупных российских городов, где мигранты с Северного Кавказа «попадают в новую для себя институциональную среду, лишенную сдерживающих механизмов традиционного общества, но чуждую им по своему характеру» [Стародубровская, Соколов 2015: 30]. Большинство респондентов – молодые люди в возрасте примерно от 20 до 30 лет, в основном студенты ВУЗов. С одной стороны, это делает выборку нерепрезентативной в плане представленности различных возрастных групп, но с другой стороны, такая цель и не ставилась. Возможно, это даже скорее достоинство работы, чем ее недостаток – молодежь обыкновенно более конфликтна и, одновременно с тем, более эмансипирована, что совпадает с задачей исследования – показать специфику восприятия конфликтов и способов их регулирования «кавказцами» именно вне пределов Кавказа.

Структура опросных листов соответствует задачам, которые призвана выполнить выборка, а именно: 1) выявить, насколько респонденты склонны к конфликтам; 2) показать, каким способам регулирования конфликта они привержены; 3) выяснить, какую роль в отношении респондентов к конфликтам и способам их разрешения играет пребывание в иноэтнической среде, их отношение к религии и традициям.

Всего в ходе исследования было собрано 92 заполненные анкеты. Важно отметить тот факт, что многие респонденты объявляли себя россиянами или указывали на комплексную идентичность, в которой «российское» занимало приоритетное место. Таких респондентов набралось 19 человек – это хорошая иллюстрация того тезиса, что этнические границы являются подвижными и меняются в зависимости от контекста, откуда следует, что для каждого человека существует иерархия идентичностей, причем элементы этой иерархии могут меняться местами, становиться более или менее приоритетными в зависимости от ситуации. Большинство

респондентов, прежде чем дать однозначный ответ на вопрос о своей этнической принадлежности, пускались в долгие рассуждения, давая понять, что имеет место комплексная идентичность. Типичными были ответы: «Здесь я чеченец, прежде всего, а за границей я — россиянин» или «Здесь я россиянин, в Ингушетии я — ингуш». В зависимости от того, принадлежность к какой группе респондент хотел подчеркнуть, менялось представление о содержании категорий «мы»/«они».

Следует подчеркнуть, что уверенность в существовании некоего общего для всех народов Кавказа «кавказского» культурного комплекса в процессе анкетирования высказало абсолютное большинство респондентов (85 человек). Однако, в ходе более развернутых бесед выяснилось, что мобилизация «кавказской» идентичности, ее перенос с уровня пассивного представления на уровень практики — это, в большинстве случаев, реакция на проявления враждебности со стороны окружающего населения, «принимающей культуры», бессознательный ответ на ксенофобскую риторику, смешивающую представителей различных этнических групп Кавказа в негативный стереотип «лицо кавказской национальности». Представление о «кавказскости» постоянно для выходцев с Северного Кавказа, однако актуализируется в большинстве случаев только в конфликтных ситуациях.

Возвращаясь к теме конфликтов и способов их регулирования, нужно сообщить следующее. Во-первых, подавляющее большинство респондентов обнаружили склонность к конфликтам: 86 человек из 92 хотя бы раз в жизни участвовали в конфликтах, большинство — больше двух-трех раз. Во-вторых, подавляющее большинство респондентов мирилось после конфликта, пусть и не всегда успешно. В-третьих, значительная часть респондентов (71 человек) заявили, что имели опыт обращения к посреднику для примирения, однако, как было установлено в ходе дальнейших бесед, только примерно в половине случаев примирение оказалось успешным.

Обращает на себя внимание тот факт, что готовность обратиться к посреднику, как правило, является не следствием приверженности традиции, поощряющей примирение, а скорее сугубо прагматическим решением: большинство респондентов называли в качестве посредника не старших, родственников или авторитетов, а категории «друг» или «приятель». Представляется, что именно это обстоятельство — незнание тех способов примирения, которые прописывает обычное право народов Кавказа — снижает эффективность процедур примирения. С подобным размышлением соглашались и сами респонденты: 89 из 92 респондентов на вопрос «Старается ли молодежь знать свои традиции?» ответили однозначно отрицательно, причем большинство ответивших подтвердили, что это относится и к ним самим. С другой стороны, большинство респондентов признали возможность и желательность участия родственников и/или старших уважаемых людей в разрешении конфликтов и даже выразили уверенность, что старшие могли бы помочь в разрешении конфликтов, связанных с «непростительными» оскорблениями на определенном этапе.

Для большинства опрошенных есть такие события, после которых примирение между конфликтующими сторонами невозможно, а месть — неотвратима. Некото-

рые информанты открыто заявили на вопрос о способе мщения, что будут мстить «по законам кровной мести». В неформальных беседах, в ответ на просьбу конкретизировать, они заявляли, что воспринимают это как обязанность «защитить не личную честь, а честь рода», и что ответственность, в случае невозможности покарать обидчика, будет распространяться и на его родственников-мужчин. Несмотря на определенное забвение мигрантами традиций своей родной земли, осознание себя как члена общности все равно остается в сознании и играет важную роль. Именно оскорбление общности, к которой принадлежит респондент, а отнюдь не личная обида, в большинстве случаев указывалось как «непростительное» оскорбление. Один из информантов на вопрос «Есть ли вещи, после которых примирение невозможно?» ответил: «Это не вещи, это люди» (подразумевая оскорбление близких людей, которое он никогда бы ни простил). Причем большинство информантов указывали на это как на отличительную черту, на то, что отличает их от «коренного» населения.

В качестве «непростительных» обид назывались также оскорбления по этническому или религиозному признаку. Один из респондентов заявил: «Нельзя простить оскорбления, основанные на национальной почве. Все люди равны и равно живут в этой стране, особенно те, кто здесь выросли и родились». И здесь выявлена любопытная закономерность: оскорбление по этническому признаку в большинстве случаев указывают в качестве непростительного оскорбления люди с самоидентификацией «россиянин», что говорит о специфически межэтнических причинах возникновения конфликтов, связанных, возможно, с трудностями в адаптации.

О похожих фактах заявляют и некоторые исследователи, так, например, В.Р. Филиппов в своей работе «Этничность и власть в столичном мегаполисе» пишет: «... трудности культурной адаптации мигрантов и, соответственно, конфликты, порождаемые заметной культурной дистанцией между москвичами и переселенцами, – все это внушает тревогу и порождает все нарастающий (судя по данным социологических опросов) психологический дискомфорт как у коренных жителей столицы, так и у тех, кто волею судеб ищет здесь временного или постоянного пристанища» [Филиппов 2009: 141].

Зачастую ситуации, возникающие на бытовой почве, интерпретируются массовым сознанием в качестве «межэтнических» конфликтов, что далеко не всегда соответствует действительности, т.е. сам факт присутствия человека в иноэтнической среде становится тем фактором, который влияет на определение границ допустимого и недопустимого в конфликтных ситуациях, и влияет на образ конфликта в сознании его субъектов.

Стоит также сказать, что процедура разрешения конфликта с участием посредника упростилась даже в традиционном обществе, а в городе она упростилась еще больше, фактически утратив характер сложного обряда и превратившись в простейшую процедуру переговоров, не вписанную в контекст обычного права. Религия, как оказалось, также не играет для мигрантов-горожан большой роли. Если, скажем, на Кавказе религия играет все большую роль в примирении кровников,

то в столицах даже те информанты, которые назвали себя религиозными людьми (более половины), выступили против создания особых религиозных судов и заявили, что никогда не обращались (и не собираются обращаться) к религиозным авторитетам за помощью в разрешении конфликтов. Как нам представляется, это связано с тем, что на Северном Кавказе к исламу обращаются вынужденно, как к способу регулирования конфликтов, способному — в условиях зачастую неэффективных правовых механизмов — ограничить применение насилия и кровной мести и консолидировать общество.

В то же время в Москве или Санкт-Петербурге в подобной идеологической «компенсации» нет необходимости, поэтому потребность в примирении через обращение к религии или традиции отпадает. Довольно фрагментарное знание «кавказцами» собственных традиций, охватывающее в основном способы мщения и поводы к нему, но не способы примирения, заставляет их быть невосприимчивыми к тому позитивному опыту регулирования конфликтов, которому может научить обращение к процедурам, прописанным обычным правом, и представляется серьезнейшей причиной, препятствующей эффективному регулированию конфликтов.

Сравнение традиционных методов примирения и методов, используемых в процедуре медиации

Медиация. Не только традиционные общества, но и вполне современные и цивилизованные общества имеют особые способы разрешения конфликтов. Одним из таких способов является медиация. Как уже было отмечено во Введении, медиация представляет собой процедуру разрешения спора с привлечением посредника, и цель ее — не довести спор до открытой конфронтации. Ключевая особенность медиации — наделение сторон возможностью и правом контролировать не только содержание принимаемого решения, но и процесс его поиска и выработки. Посредник в процедуре медиации не равнозначен судье в судебном разбирательстве, так как не обладает никакой властью и не выносит общеобязательного решения.

Как указывает Ц.А. Шамликашвили, Россия имеет давнюю историю существования и развития институтов альтернативного разрешения споров, в том числе с участием посредника: «Многие ученые утверждают, что, например, третейский суд как форма разрешения споров появился в России еще в первом тысячелетии и являлся распространенным у славян способом разрешения споров, развиваясь в дальнейшем на протяжении всего средневекового периода» [Шамликашвили 2011]. Наибольшего развития система третейских судов достигла в середине XIX века. Одним из основных преимуществ производства в этих судах была быстрота разбирательства. Приоритетным способом рассмотрения дел были устные прения («словесная расправа»), причем они не имели каких-либо ограничивающих предписаний с точки зрения ритуала, формы выражения. Кроме того, для разбора срочных дел суд мог назначить чрезвычайное заседание суда даже в праздничные дни. Важнейшим элементом разбирательства была присяга, позволяющая сторонам опереться на доверие вместо формальностей. Все эти характеристики очевидным образом указывают на сходство с современными процедурами медиации.

После Октябрьской революции новая власть не отказалась от использования формального посредничества, что, по мнению Ц.А. Шамликашвили, объясняется недоверием основоположников марксизма-ленинизма к праву как таковому. Наибольшее развитие внесудебные методы разрешения споров в СССР получили в сфере трудовых отношений. В советской системе существовали также так называемые товарищеские суды, действовавшие в трудовых коллективах, целью которых было «предупреждение правонарушений, воспитание людей путем убеждения и общественного воздействия, создания обстановки нетерпимости к любым антиобщественным поступкам». Они имели право рассматривать гражданские, дисциплинарные, административные и даже мелкие уголовные дела. Эти суды, являясь негосударственными органами, могли принимать решения о применении к гражданам мер общественного порицания, штрафных санкций и ходатайствовать перед руководством о применении мер дисциплинарного воздействия.

До принятия Закона о медиации единственной сложившейся формой альтернативного разрешения споров в России оставалось третейское разбирательство, основанное на вынесении обязательного суждения третейским судьей или трибуналом. Однако ни третейские, ни «товарищеские» суды нельзя назвать в полной мере аналогичными институту медиации. В конечном итоге эти формы разбирательства обнаруживали куда больше общего с традиционным судебным разбирательством, так как последнее слово в них принадлежало арбитру-судье.

Медиация же в российской правовой действительности – явление относительно новое, однако уже законодательно регламентированное. Как было отмечено выше, с 1 января 2011 г. вступил в силу Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Концепция данного закона основывалась на том, что современная российская судебная система не справляется с объемом исков и что «система альтернативных способов и средств разрешения споров и урегулирования конфликтов» поможет разгрузить суды.

Для создания такой системы необходимо несколько условий, среди которых – готовность спорящих сторон к использованию процедур медиации, к обращению к посреднику. Именно это ключевое условие успешной медиации и его связь с проблематикой этнического самосознания, с разной выраженностью в разных этнических группах готовности прибегать к альтернативным способам разрешения споров, основанным на посредничестве, и является предметом настоящего исследования, поэтому обращение к наработкам в области теории медиации представляется актуальным.

Несмотря на то, что появление правовой базы для медиативных процедур можно считать серьезным прогрессом в развитии правовой культуры, перспективы дальнейшего развития этих процедур кажутся неоднозначными. Как показывает Е.А. Борисова на многочисленных примерах из европейской практики, одним из направлений развития процедуры медиации становится ее превращение из самостоятельной, альтернативной судебному разбирательству в «смежную», нередко обязательную досудебную или судебную процедуру [Борисова 2011].

Однако вопрос о том, насколько это целесообразно, представляется, по крайней мере, дискуссионным. Например, Г. Брук заявляет: «Гораздо лучше было бы продвигать медиацию, убеждая людей в ее преимуществах, чем навязывая им этот метод» [там же]. Подобное замечание представляется разумным: законодательное решение об обязательности досудебного обращения сторон к посреднику в большей степени отвечает интересам государства (например, по снижению судебной нагрузки), нежели интересам сторон. Следует признать, что именно добровольность, быстрота и неформализованность выгодно отличают медиацию от других, прежде всего судебных, способов разрешения споров и делают ее привлекательной. Высокий уровень свободы во всем, что касается деталей процедуры (места, времени, формы), также представляется большим преимуществом. Более того: обращение к процедурам медиации дает нашей стране возможность выхода из по-прежнему сложной ситуации с низкими показателями исполнения судебных решений, так как мировая практика свидетельствует - 80-90% медиативных соглашений исполняются сторонами добровольно [Шамликашвили 2011].

Заключение

Данная работа, посвященная традиционным формам регулирования конфликтов в обычном праве народов Северного Кавказа, не претендует на холическое знание, и вряд ли возможно собрать весь материал по столь обширной теме. Мы рассмотрели лишь некоторые способы регулирования конфликтов и основные факторы сохранения конфликтогенного потенциала северо-кавказского региона, к каковым можно отнести: последствия национальной политики СССР; фактор незавершенности демографического перехода; кровная месть и «замкнутый круг насилия», в который зачастую втянуты целые общины и союзы общин.

Описаны способы регулирования конфликтов и их изменения в свете эволюции правовых укладов на Северном Кавказе. Выделены ключевые способы разрешения конфликтных ситуаций в прошлом и настоящем, такие как кровная месть, ишкиль, обряды примирения. Несмотря на локальные различия в быту и культуре, в социальной и политической организации различных этнических групп Северного Кавказа, способы примирения большинства этих сообществ имеют сходную структуру. Выделены такие важные для понимания примирительных процессов в традиционных кавказских обществах моменты, как особая роль старших в социальной и политической организации народов Кавказа, социальный характер кровной мести, институт одаривания и «платы за кровь».

Говоря о современных тенденциях в сфере регулирования конфликтах, необходимо указать на две ключевые тенденции: упрощение обряда и его «огосударствление», создание по инициативе властей республик Северного Кавказа специальных Примирительных комиссий, берущих на себя посреднические функции. Последнее обстоятельство представляется нам признанием эффективности и востребованности традиционных форм регулирования конфликтов.

Процедуры примирения на самом Кавказе, вписанные в контекст обычного права, сегодня оказываются очевидно более эффективными, чем принятые в диа-

споре. Только за год своего существования (2010-2011) примирительная комиссия в Чечне смогла остановить кровную вражду между 204 семьями. Это при том очевидном факте, что примирительные комиссии на Кавказе имеют дело с куда более серьезными случаями, чем наши респонденты: убийства, кровная месть, делящаяся годами или даже десятилетиями. Респонденты же только в половине случаев смогли эффективно разрешить конфликт, и даже участие посредника не помогло. Возможно, причиной этому является равнодушие к собственным традициям со стороны представителей диаспор (в котором абсолютное большинство респондентов — 89 человек из 92) открыто признались.

Интерес в этой связи представляет вопрос о возможности практического использования механизмов, прописываемых обычным правом народов Кавказа, в разрешении конфликтов, использования того опыта, который, как было показано в работе, имеет многовековую историю и доказал свою эффективность. Для этого есть исторические предпосылки (поощрение обычно-правовых процессов в кавказских республиках «сверху» на протяжении XX в.) и готовность самих кавказцев, даже в современном мегаполисе сохраняющих, как показали данные полевого исследования, ценностные установки, благоприятствующие позитивному восприятию обычного права, как то уважение к старшим, признание их эффективности в миротворческой роли. Для конструктивного использования наработок обычного права, для обращения к традиционным формам регулирования конфликтов не обязательно возрождать адат и шариат в их «аутентичном» виде. Жесткой дилеммы адат/шариат вообще никогда не стояло перед северо-кавказскими обществами.

Как показывает В.О.Бобровников [2002], все намного сложнее: традиции на постсоветском Северном Кавказе начиная с 90-х гг. не столько возрождались, сколько «конструировались», приспособляясь под нужды момента. Соответственно, и сегодня обращение к традиционным формам регулирования конфликтов должно учитывать лишь позитивный опыт применения обычного права. Необходимо учитывать, как нахождение в иноэтнической среде влияет на изменение образа конфликта в сознании выходцев с Северного Кавказа, вносит свои коррективы в восприятие конфликтных ситуаций. Конечно, даже среди экспертов нет единого мнения по вопросу внедрения обычно-правовых механизмов в правоприменительную практику. Это вполне объяснимо, поскольку в таком деликатном вопросе сразу обнаруживается противоречие между, с одной стороны, требованиями правовой унификации, с другой — соблюдением прав этноконфессиональных меньшинств.

По мнению некоторых авторов, в частности, В.А. Тишкова и Ю.П. Шабаева, возможность применения норм обычного права при разрешении конфликтов должна быть оговорена в законах в общем виде, но конкретное значение каждой нормы должно определяться целым рядом экспертиз, поскольку апелляция к таким нормам может иметь под собой как рациональную основу, так и основу мифологическую или вовсе быть связанной с «неприемлемой архаикой», под которой авторы, прежде всего, подразумевают кровную месть [Тишков, Шабаев 2011: 287]. Такая точка зрения представляется вполне конструктивной и отвечающей самому духу обычного права народов Северного Кавказа, которое, как было показано, всегда,

даже в случае обращения к институту кровной мести, стремилось минимизировать насилие и регулировать конфликты мирным путем.

Традиционные формы регулирования конфликтов, очевидно, имеют целый ряд сходств и отличий с процедурами, принятыми у медиаторов, что и было продемонстрировано в ходе работы. Например, идея религиозных судов кажется неактуальной даже для большинства религиозных жителей больших городов, в то время как в тех регионах, где кровная месть до сих пор существует, а правовое сознание слабо, эта идея находит больше поддержки. Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что примерно в половине случаев (42 человека из 86, обращавшихся к посреднику) обращение к посредничеству не принесло результатов, примирение не состоялось, что, возможно, говорит о несоблюдении некоторых условий, необходимых для успешного посредничества. Выявление параллелей между индивидуальными способами организации посреднического процесса, традиционными формами регулирования конфликтов в традиционных обществах и современными практиками медиации в данном случае может стать основой для дальнейшего конструктивного взаимодействия между представителями диаспор, исследователями и практиками в области профессионального урегулирования споров и конфликтных ситуаций, для повышения эффективности посреднических процессов.

Литература

Агларов 1988 — *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука, 1988. — 240 с.

Албогачиева 2011 — *Албогачиева М. С.-Г.* Этнография и история ингушского народа в письменных источниках конца XVIII — первой трети XX в. СПб: Наука, 2011. — 180 с.

Борисова 2011 — *Борисова Е.А.* Российская процедура медиации: концепция развития // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2011. № 5. — С. 18-30.

Бобровников 2002 — *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана, М.: Вост. лит., 2002. — 386 с.

Броневский 2004 — *Броневский С.М.* Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2 томах: т.1, т.2 / Подготовка текста к изданию, предисловие, примечания, словарь малоупотребительных слов, указатели И.К. Павловой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. — 464 с.

Зуйков, Иванов 2018 — *Зуйков П.М., Иванов А.В.* Конфликты на Кавказе и реакция на них. Кровная месть // Вестник Федерального института медиации. 2018. №1. — С. 109-131.

Иванов 2017 — *Иванов А.В.* Примирение на Кавказе в сравнении с медиативным подходом // Вестник Федерального института медиации. 2017. № 4. — С. 83-98.

Казиев 2003 — *Казиев Ш.М., Карпеев И.В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. М., 2003. — 464 с.

Ковалевский 2012 — *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. М.: Кучково поле, 2012. — 432 с.

Косвен 1961 — *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961. — 246 с.

Леонтович 1883 — *Леонтович Ф.И.* Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып.1-2.

Стародубровская, Соколов 2013 — *Стародубровская И.В., Соколов Д.В.* Истоки конфликтов на Северном Кавказе: монография / М.: Дело РАНХиГС, 2013. — 280 с.

Тишков, Шабаев 2011 — *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов / Тишков В.А., Шабаев Ю.П. — М.: Издательство Московского университета, 2011. — 376 с.

Филиппов 2009 — *Филиппов В.Р.* Этничность и власть в столичном мегаполисе. — М.: Институт Африки РАН. 2009. — 240 с.

Цуциев 2006 — *Цуциев А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М.: Европа, 2006. — 128 с.

Шамликашвили 2011 — *Шамликашвили Ц.А.* Основы медиации как процедуры урегулирования споров. М: МЦУПК, 2011. — 128 с.

References

Aglarov 1988 — *Aglarov M.A.* Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII — nachale XIX v. (Issledovanie vzaimootnosheniya form hozyajstva, social'nyh struktur i etnosa). М.: Nauka, 1988. — 240 p.

Albogachieva 2011 — *Albogachieva M. S.-G.* Etnografiya i istoriya ingushskogo naroda v pis'mennyh istochnikah konca XVIII — pervoj treti XX v. SPb: Nauka, 2011. — 180 p.

Borisova 2011 — *Borisova E.A.* Rossijskaya procedura mediacii: koncepciya razvitiya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo. 2011. No. 5. — P. 18-30.

Bobrovnikov 2002 — *Bobrovnikov V.O.* Musul'mane Severnogo Kavkaza: obyčaj, pravo, nasilie. Oчерki po istorii i etnografii prava Nagornogo Dagestana, М.: Vost. lit., 2002. — 386 p.

Bronevskij 2004 — *Bronevskij S.M.* Novejšhiya Izvestiya o Kavkaze, sobrannyya i popolnennyya Semenom Bronevskim: V 2 tomah: t.1, t.2 / Podgotovka teksta k izdaniyu, predislovie, primechaniya, slovar' maloupotrebiteľ'nyh slov, ukazateli I.K. Pavlovoj. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. — 464 p.

Zujkov, Ivanov 2018 — *Zujkov P.M., Ivanov A.V.* Konflikty na Kavkaze i reakciya nra nih. Krovnyaya mest' // Vestnik Federal'nogo instituta mediacii. 2018. No. 1. — P. 109-131.

Ivanov 2017 — *Ivanov A.V.* Primirenje na Kavkaze v sravnenii s mediativnym podhodom // Vestnik Federal'nogo instituta mediacii. 2017. No. 4. — P. 83-98.

Kaziev 2003 — *Kaziev Sh.M., Karpeev I.V.* Povsednevnyaya zhizn' gorcev Severnogo Kavkaza v XIX v. М., 2003. — 464 p.

Kovalevskij 2012 — *Kovalevskij M.M.* Zakon i obychaj na Kavkaze. M.: Kuchkovo pole, 2012. — 432 p.

Kosven 1961 — *Kosven M.O.* Etnografiya i istoriya Kavkaza. Issledovaniya i materialy. M., 1961. — 246 p.

Leontovich 1883 — *Leontovich F.I.* Adaty kavkazskih gorcev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza. Odessa, 1883. Vyp.1-2.

Starodubrovskaya, Sokolov 2013 — *Starodubrovskaya I.V., Sokolov D.V.* Istoki konfliktov na Severnom Kavkaze: monografiya / M.: Delo RANHiGS, 2013. — 280 p.

Tishkov, Shabaev 2011 — *Tishkov V.A., Shabaev Yu.P.* Etnopolitologiya: politicheskie funkicii etnichnosti: Uchebnik dlya vuzov / Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. — M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011. — 376 p.

Filippov 2009 — *Filippov V.R.* Etnichnost' i vlast' v stolichnom megapolise. — M.: Institut Afriki RAN. 2009. — 240 p.

Cuciev 2006 — *Cuciev A.* Atlas etnopoliticheskoj istorii Kavkaza (1774-2004). M.: Evropa, 2006. — 128 p.

Shamlikashvili 2011 — *Shamlikashvili Ts.A.* Osnovy mediacii kak procedury uregulirovaniya sporov. M: MCUPK, 2011. — 128 p.